

Они съели не только её ужин, но ещё и десерт. Она уже по горло сыта ими. Ну что за буйная, шумная трапеза. По среди ужина Робертсон и его модный друг, который, кстати, кого-то ещё и укусить хотел, пришли в гости, а вот когда Алексис закричал и вскочил, сломал стул... называть его "живучим", это ещё слабо сказано. Что за ужасные испытания на мою голову.

... Для справки, Монетт изо всех сил старалась убедить модного друга Робертсона покусать их.

— Просто покусай их, модный друг Робертсона! Прямо здесь! Давай! - приговаривала Монетт.

К сожалению, модный друг Робертсона остался доволен, просто поймах несколько летающих мошек вокруг. Ну что за добрый паук. Настолько, что она захотела буквально засунуть модного друга прямо в лицо Персиваля, показывая ему, насколько он лучше, чем он, особенно, если чуть-чуть яда случайно капнуло бы на него, коснувшись его лица. В итоге, Персиваль смотрел на паучка чересчур злобно ...

Когда закончился ужин Монетт передохнула от всего этого, и вот она ставит одну чашку на стол. Совершенно обычная чашка, половина которой наполнена чистой водой.

— Леди Монетт, что это?

— Я подумала выяснить, на самом деле ты проклят или просто мерзкий ублюдок... правда, которому немного не повезло.

— Монетт, прости, что сломал стул, но не могла бы ты перефразировать свои слова немного добрее?

Игнорируя болезненные мольбы Алексиса, Монетт достает лист бумаги и перо.

Это кусок пергамента, размером с ладонь. Перо, по всей видимости, тоже сделано специальным образом. Маленькие буквы вырезаны на его толстом древке, а кончик абсолютно черный, изготовленный из каких-то особых ингредиентов. По внешнему виду, очевидно, это не обычное перо. Алексис и Персиваль уставились на такую странность.

Особенно Персиваль... смотрит чересчур уж насторожено. Когда его глаза прошлись по пергаменту и перу, он обратил свой взор обратно к Монетт. Его нефритовые глаза, казалось, спрашивали Монетт, что же она планирует делать со всем этим.

— Я создам чары.

— Чары?

— Чернила для пера смешанные с моей кровью. Благодаря этому я нарисую чары на этой

бумаге.

Монетт кладёт перо на бумагу. Смешанные с кровью чернила поглощаются пергаментом. Они вроде как черные, но в зависимости от освещения может показаться, будто немного красные. Такой цвет, для некоторых покажется совсем зловещим

Персиваль недоверчиво наклоняет голову, смотря как Монетт скользит пером по пергаменту, рисуя что-то.

— Все, что вижу, это рисунок какого-то уродливого существа, но разве в этом есть что-то особенное?

— Любители не поймут очарование этой миленькой кошечки.

— ... Леди Монетт, возможно ли, вы пострадали от проклятия, забирающие способности нормально рисовать?

— ... Но Персиваль, кажется, тебя поразило проклятие, укравшие твои манеры.

— Вы оба, умоляю прекратите.

Алексис останавливает их прямо перед тем, как они бы подрались. В своем шлеме Монетт цокает языком, смотря на Персиваля. Естественно, она смотрит на него через шлем, и ее взгляд совершенно не задевает его, но вот так совпало, он тоже пялился на неё своими острыми глазами.

Что за бесячий парень. Если бы только они оба были прокляты ... но даже, размышляя об этом, она продолжает водить пером по пергаменту.

И так, её рисунок очаровательного котенка завершен. Будь здесь любая другая третья сторона, точно похвалили эту кошечку за то, насколько она очаровательна и красива, совсем как живая. Либо так, либо ей порекомендуют хорошую психбольницу.

В любом случае, кладя зачарованный пергамент на чашку, она делает глубокий вздох в своём шлеме.

Дом Идиры давно утратил право называть себя ведьмами. Сейчас у Монетт нет живых родственников, что могли бы использовать магию.

Таким образом, Монетт изучила магию, пробираясь сквозь горы документов, переживших годы забвения. Она даже не знала есть ли у неё хотя бы талант, но, к счастью, времени у неё было достаточно.

Вспоминая дни, проведённые в изучении магии, она медленно вдыхает в легкие побольше воздуха... а затем бормочет:

“Поиск.”

Естественно это простое слово - заклятие, активирующие магию.

В тот момент пергамент на чаше, издавая хлопающие звуки загорелся как по приказу.

Сначала он, распыляясь кружился, а после мгновенно исчез. Все что осталось в чаше, лишь чистая вода, что и раньше. В чашке не лежало и следа пепла или копоти. Даже ряби на воде не было.

— Чт-что это было?

— Это была магия. Что ж отлично, Принц Алексис, пожалуйста, выпейте это.

— ... Прости меня, Монетт. Мне, кажется, немного страшно после этого.

— Милорд, если выпьете воду, помнящую рисунок того проклятого создания на пергаменте, уверен, вы навсегда потеряете способность рисовать.

— Это очаровательный котенок! Отлично, тогда я первая выпью, просто смотрите.

Монетт взяв чашу в свою руку, без отвращения спокойно отпила оттуда. И само собой, не было ни вкуса или запаха. Просто вода. Не чувствуется ничего странного от воды. В конце концов, Монетт самолично набирала её из колодца.

Она выпивает, доказывая это, затем возвращает чашку на стол.

— Видишь, - говорит она, пожимая плечами.

...Хотя из-за брони она ничего не смогла сделать, но зато странно двинулась со скрежещем звуком, так что она не уверена относительно того скажут ли они, будто она пожимала плечами.

— На 100 процентов не вредно, самая настоящая вода.

— ... Очень хорошо, в таком случае, Я первый.

Он дегустатор еды Принца или что? Персиваль протягивает руку к чашке.

— Давай, не стесняйся, - убеждает она, хотя и думает о их до неприличия ужасной подозрительности.

Персиваль с серьёзным выражением лица держит воду во рту, как бы проверяя на наличие странных вкусов. Наконец-то, он проглатывает воду.

— ... Хм правда, просто вода.

— А я что говорила. Давай, давай, твоя очередь, Принц Алексис.

— Д-да...

Алексис берёт чашку в свою руку. Наверное, видя, как Монетт и Персиваль пили отсюда, это уменьшило его беспокойство. Затем, он делает глоток воды, как и те двое, а чуть позже стонет и начинает сильно кашлять.

— Ургх гха, что это?!

— Милорд, в чем дело!?

— Что за горечь, я впечатлен, вы двое действительно смогли выпить это...

Алексис выглядит довольно болезненно, разговаривая с ними, заливая при этом рот чаем. Наверное, он ещё может попробовать его на своём языке.

Боль и отвращение отчётливо видно на его лице. Делая глоток чая после каждого сказанного слова, затем ещё глоток и снова слово и так далее ... кажется, было до безобразия горько.

Персиваль, пивший ту же воду, признавая её как “простая вода”, находил это странным.

— Горькая? Но, когда я пил, здесь была просто вода.

— Вода? Это? .... Егх, не хорошо, Я, наверное, смогу ещё раз попробовать. Монетт, у тебя есть что-нибудь с сильным вкусом? Вроде вина или сыра - желателно высококачественное выдержанное вино и сыр на крекере, - спрашивает Алексис даже в такое время.

— Что ты вообще думаешь делаешь, так шатаюсь?! - резко отвечает Монетт.

Она поднимает заранее приготовленную коробку...

Симпатичная коробочка с красивыми камнями. В ней лежит тщательно завернутый шоколад.

Видя содержимое, Алексис благодарит её и берет одну, бросая в свой рот. Попробовав, в конце концов он издаёт облегченный вздох. Должно быть, вода была чересчур ужасна. Персиваль пристально смотрит на чашку, осторожно выпивая воду. Всё что ему остаётся — это в замешательстве склонить голову в сторону.

Монетт пожимает плечами, издавая леденящий душу звук.

Конечно, чего и следовало ожидать или всё-таки нет, но Алексис проклят.

<http://tl.rulate.ru/book/22705/474562>